

Ответ адмирала А. В. Колчака на чехословацкий меморандум Союзным державам

25 ноября 1919 г.

Ознакомившись с текстом чешского меморандума от 13 ноября сего года¹, врученного представителям Союзных держав, довожу до вашего сведения нижеследующее: нескрываемые симпатии чешских представителей к антигосударственным настроениям и связь некоторых из них с теми элементами, которые, разрушив государственность России, практически не отличаются от большевиков, определились еще год тому назад при формировании первого национального русского правительства. Уже тогда отдельные представители вступили на путь политического шантажа, угрожая оставлением Уральского фронта чешскими войсками, вмешиваясь в вопросы персональных назначений членов правительства. Неизменно в дни тяжелых испытаний при неудачах русской армии и в затруднениях, в которых оказывалось русское правительство, отдельные чешские представители, особенно на Дальнем Востоке, вели открытую противоправительственную работу, всеми силами стараясь подорвать его авторитет и престиж русского национального дела. Еще в августе эта деятельность приняла настолько недопустимый характер, что вызвала обращение к чешскому правительству с просьбой об отозвании некоторых лиц, как Гайда и Гирса, из пределов России. Эти лица определено готовили во Владивостоке восстание против русского правительства, войдя в связь и сношения с теми частями населения, которые, как это подтвердилось при попытке восстания, ничем не отличались от большевиков². Гайда, бывший на русской службе, был вычеркнут из списков русской армии за эту подготовительную работу, и позорное поведение его во время попытки возмущения во Владивостоке только подтвердило справедливость этого акта. Что касается до Гирсы, именующего себя чешским представителем, то я считаю необходимым заявить, что ни мне, ни правительству совершенно неизвестны ни положение, ни его полномочия, известна только его противоправительственная работа на Дальнем Востоке. Точно так же и Б. Павлу, подписавшийся под упомянутым меморандумом, официально не известен мне как имеющий полномочия от чешского правительства. В силу этого я ни в какой мере не могу рассматривать чешский меморандум, подписанный Павлу и Гирсой, как документ, имеющий отношение к чешскому правительству или даже к военному чешскому командованию, и рассматриваю этот меморандум как акт, за который персонально ответственны только именующие себя чешскими представителями Павлу и Гирса. Я не считаю нужным давать какой-либо ответ по существу этого меморандума, который оцениваю как поступок политического интриганства и шантажа со стороны лиц, его подписавших. Я не могу только не обратить внимание на связь этого меморандума с попыткой большевистского восстания во Владивостоке и на характер его, как стремление получить санкции великих держав на вмешательство вооруженной силой в русские внутренние дела. Допуская возможность такого вмешательства, я заявляю, что малейшие шаги в этом смысле будут рассматриваться как враждебный акт, фактически оказывающий помощь большевикам, и я отвечу на него вооруженной силой и борьбой, не останавливаясь ни перед чем. Что

же касается лиц, подписавших упомянутый меморандум, то мною отдано распоряжение правительству о прекращении с ними всяких отношений и о представлении чешскому правительству отозвать этих лиц из России, и если угодно, то прислать представителей, которые, по крайней мере, умели бы себя вести прилично.

Адмирал Колчак

Публикуется по «Вестнику НКВД», Москва,
1 июля 1921 г., № 5—6, стр. 91—92.

¹ См. док. 245.

² См. комментарий к док. 240.

Не имея сколько-нибудь значительных собственных вооруженных сил и никакого влияния в массах, эсеры из штаба Гайды попытались привлечь к участию в антиколчаковском перевороте части местного гарнизона, профсоюзные организации моряков, грузчиков, железнодорожников и партизанские отряды, находившиеся под влиянием большевиков. По сведениям колчаковской контрразведки, большевики, однако, «отказались от активного участия» (ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 100, л. 4). В то же время большевистский крайком не сумел занять четкой позиции по отношению к готовящемуся перевороту и послал в штаб Гайды своего наблюдателя. Когда 17 ноября началось восстание, из поезда Гайды было распространено воззвание за подписью большевистской организации с призывом к свержению Колчака. Крайком не принял мер для того, чтобы удержать введенные в заблуждение рабочие дружины, и в частности грузчиков порта, от участия в генеральско-эсеровской авантюре. Союзное командование, испугавшись, что движение может принять нежелательный для него характер, воздержалось от помощи гайдовцам, а генерал Розанов совместно с японцами жестоко подавил восстание. Многие его рядовые участники поплатились жизнью, эсеровские заговорщики разбежались, а Гайда был награжден чехословацким военным крестом и срочно отправлен в Европу.

252

Письмо уполномоченного чехословацкого правительства в России В. Гирсы министру торговли и промышленности Временного Сибирского правительства Н. С. Третьякову по поводу чехословацкого меморандума представителям Союзных держав

Иркутск

29 ноября 1919 г.

Господин министр,

Возбуждение, возникшее по поводу нашего меморандума представителям Союзных держав¹, и неправильное толкование его заставило меня обратиться к Вам со следующим разъяснением:

1. Обращаю Ваше внимание на то, что в тексте меморандума имя верховного правителя совершенно не упоминается и ни одним словом не критикуются действия правительства.

2. Меморандум адресован представителям Союзных держав, ибо Союзные державы поручили чехословацкой армии охранять линию железной дороги от Иркутска на запад, поэтому понятно, что именно Союзным державам необходимо было заявить о невозможности для чехословацкой армии продолжать охрану железной дороги главным образом по причинам морального характера.

3. В меморандуме ясно сказано, что обстановка на местах и местные причины служат поводом невыносимого положения нашей армии. Это обстоятельство должно быть хорошо известным правительству, ибо по этому поводу неоднократно наши политические и военные представи-